«ПСАЛМЫ ДАВИДА» ТАРАСА ШЕВЧЕНКО:
ОТ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА
К ПОЭТИЧЕСКОМУ «ТЕКСТУ»
(опыт системно-компаративного анализа)¹

© 2017 г. Ю.Я. Барабаш

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 15 января 2017 г.

Дата публикации: 25 сентября 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-3-252-273

Аннотация: Предпринимается попытка системно-компаративного прочтения цикла Т.Г. Шевченко «Псалмы Давида» в сопоставлении с первоисточником — ветхозаветной Книгой псалмов. В синхроническом срезе выделяются главные факторы и узловые признаки, которые, по мнению автора, есть основания признать их ключевыми для трактовки цикла как системного объекта, или как «текста». Анализ проводится на двух структурно-семантических уровнях: один, на котором поэт осуществляет выбор для переложения десяти псалмов из ста пятидесяти, второй — уровень переформатирования прецедентного текста. Система внутренних связей формирующегося в этом процессе нового, принадлежащего Шевченко как автору, литературного текста определяется: а) возникающими в результате переформатирования изменениями «отношений соседства» между его компонентами и б) «кодом говорящего» — системой текстологических, смысловых, образных, акцентуационных корректировок и дополнений, которые автор переложения вносит в тексты выбранных им псалмов. В ракурсе темы в статье рассматриваются такие категории, как претекст, контекст и интертекст, также предлагаемые автором понятия «off-текст» и «диалог интерпретаций». И последнее, что следует оговорить: предусматривается нарочитое — как прием «суммы технологий» и в эвристических целях — сужение аналитического поля, вне его пределов остается широкий круг фактов и проблем, многие из которых, впрочем, уже были предметом исследования в шевченковедении.

Ключевые слова: система, текст, структура, семантика, выбор, переформатирование, «код говорящего».

Информация об авторе: Юрий Яковлевич Барабаш — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия.

E-mail: barabash.yuri@gmail.com

¹ Здесь и ниже кавычки к лексеме «текст» указывают на отличие означаемого понятия как структурно-семиотического феномена от текста прагматичного, письменного либо печатного.

DAVID'S PSALMS BY TARAS
SHEVCHENKO: FROM THE SACRED TEXT
TO THE POETICAL TEXT

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017. Yu.Y. Barabash

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: January 15, 2017

Date of publication: September 25, 2017

Abstract: The article attempts to compare a poetic circle *David's Psalms* by Taras Shevchenko with its origin — *Book of Psalms* in *The Old Testament*. It singles out, in the synchronical aspect, major factors and key attributes that allow us to interpret this poetic circle as a systematic object, or “text.” The circle is analyzed on two levels: (1) the poet’s choice of ten psalms out of 150 for adaptation; (2) the actual adaptation and transformation of the original text. This two-level process forges a new literary text authored by Shevchenko. The system of inner connections within the new text is defined by (a) textual transformation and changes in the “neighborhood relations” between the textual components; b) the “speaker’s code,” e. g. the system of textological, semantic, and figurative revisions, additions and accentuations introduced by the author of the adaptation into the texts of the chosen psalms. The article examines such categories as pretext and context and introduces such notions as “off-text” and “the dialogue of interpretations.” The essay deliberately narrows down its scope of examination implying the method of the “sums of technology” and pursuing euristic purposes. Thus, a wide range of facts and problems widely discussed within Shevchenko Studies is intentionally left behind.

Keywords: system, text, structure, semantics, choice, adaptation, the “speaker’s code.”

Information about the author: Yuri Y. Barabash, DSc in Philology, Professor, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: barabash.yuri@gmail.com

В посвященных «Псалмам Давида» исследованиях, составляющих в шевченковедении отдельный корпус, этот цикл рассматривается в диапазоне как собственно историко-литературной, так и общегуманитарной проблематики — историко- и нациософской, религиоведческой, религиозно-этической, социопсихологической, в компаративистском и герменевтическом ракурсах². Примечательная черта, общая для различных уровней и звеньев этого дискурса, — превалирование диахронического подхода, с акцентом на хронологических параметрах и сравнительно-исторических сопоставлениях, обычно с соблюдением принципа последовательности в анализе компонентов исследуемого объекта. Плодотворность такого подхода, разумеется, вне сомнений. Сомнений, однако, нет также и в том, что полноте и эффективности исследований будет содействовать *комплексный* подход, основанный на принципе сочетания, взаимодополнения диахронии и синхронии, рассмотрения цикла как сложной, иерархической целостной системы, как «текста» — в структурно-семиотическом ракурсе и в структурно-семантическом толковании этого понятия.

В отличие от исходного, иудейского, Псалтыря³, состоявшего в так называемой масоретской редакции из 150 псалмов, в его церковнославян-

² См. работы Т. Бовсунивской, И. Даниленко, И. Дзюбы, В. Домашовца, Л. Киселевой, Р. Коропецкого, М. Ласло-Куцюк, Т. Мейзерской, Н. Павлюка, В. Радущкого, Б. Струминского, В. Сулимы, Л. Ушкалова, Д. Штогринина.

³ В текстах богословской направленности обычно употребляется форма женского рода — Псалтирь.

ском переводе, позднее также в русском синодальном, за основу взята нумерация древнегреческого (III в. до Рождества Христова) перевода Ветхого Завета — Септуагинты, или «перевода семидесяти толковников» (в литературе он сокращенно определяется как «LXX»), включающего 151 псалом. Шевченко в своем цикле, а также позднейшие украинские переводчики (ко времени создания им «Псалмов Давида» украинского перевода Псалтыря еще не было⁴, поэт, судя по всему, пользовался церковнославянским переводом) придерживаются масоретской нумерации.

Из этого количества псалмов Шевченко отобрал (1845) для своего переложения только 10 — момент важнейший, ибо он связан с проблемой *выбора*. Обратим внимание: поэт не идет простейшим путем, не берет для своего переложения первые десять псалмов, что выглядело бы логичным, если бы целью было простое сокращение объема; нет, он их выбирает из всех пяти книг Псалтыря, от первого до ста сорок девятого, т. е. вычленяет часть из целого, по существу, создавая новый, свой цикл.

Начинает Шевченко с первого псалма, причем его переложение максимально приближено к оригиналу как по содержанию, по его центральной идее утверждения Божиего закона, так и по средствам медитативной поэтики: воспроизведение (конечно, в переводе, о чем — ниже) вступительной формулы о «блаженном муже», двух ключевых метафор — «Над водою окрепшее / Дерево» (в библейском тексте: «дерево, посаженное при потоках вод») и пепла, «что по свету / Ветер развеивает» («как прах, возметаемый ветром [с лица земли]»)⁵. Это выглядит так, словно автор переложения с самого начала стремится засвидетельствовать свое намерение строго придерживаться первоисточника.

Далее, однако, происходит структурный перелом: Шевченко минует второй псалом, еще девять следующих и переходит сразу к псалму двенадцати

4 Только в 1859 г., через 14 лет после шевченковского цикла, в № 1 альманаха «Украинец» были опубликованы «Псалмы, переложенные на украинское наречие», их автором был Михаил Максимович (а не Иван Максимович, историк церкви и гебраист, профессор Киевской духовной академии, которому эти переложения приписывает о. Александр Мень в своем «Библиологическом словаре». См. об этом: [1]). Еще почти через полтора десятилетия, в начале 70-х гг. XIX в., такой перевод был осуществлен ученым-физиком и литератором Иваном Пулюем, а свет он увидел в 1903 г. в составе Библии, переведенной ранее П. Кулишом, И. Нечум-Левицким и И. Пулюем и изданной Британским библейским обществом.

5 Цитаты из «Псалмов Давида» Шевченко приводятся в переводе Л. Вышеславского, из текста Библии — в синодальном переводе.

тому. Понять смысл этого действия автора переложения поможет сопоставление второго и двенадцатого псалмов библейского оригинала. Первый принадлежит к числу так называемых царских псалмов, в нем земной властитель, царь Иудеи, предстает как Помазанник, он идентифицирует себя как Сына Божиего. Мессианистическому мотиву этого псалма придается особое значение как в иудейской, так и в христианской традициях, в иудейской он трактуется в духе утверждения сакральности царя Иудеи, христианские богословы прочитывают в нем откровение о грядущем приходе Иисуса Христа.

Если для второго псалма в оригинале характерен интегральный, поистине вселенский масштаб, то религиозно-этический вектор псалма двенадцатого направлен в сторону сугубо человеческих проблем и переживаний. Это глубоко личностный монолог лирического субъекта, пронизанная душевной болью ламентация, смиренное моление. Псалмопевец обращается к Господу с просьбой о защите, укреплении силы духа перед лицом врага («Призри, услышь меня, Господи Боже мой! Просвети очи мои, да не усну я сном смертным»), высказывает свою веру в Него («да не скажет враг мой: [я одолел его]. Да не возрадуются гонители мои, если я поколеблюсь»). Вместе с тем — обратим внимание — он не удерживается от обращенных к Богу вопросов, окрашенных чувством обиды, или по крайней мере нескрываемого недоумения: «Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец, доколе будешь скрывать лице Твое от меня? <...> Доколе врагу моему возноситься надо мною?» Молитвенный дискурс, как видим, перемежается живыми, «человеческими, слишком человеческими» реакциями. Стилистический контрапункт отражает скрытое эмоциональное напряжение, душевные борения личности, и это корреспондирует с тем трудным диалогом, который ведет с Богом Шевченко-лирик, мучительно стараясь найти решение одной из сложнейших в христианском учении проблемы — проблемы теодицеи, примирить свое безоговорочное принятие Господней благодати со столь же безоговорочным неприятием зла на земле. Параллель подкрепляется включением в текст переложения отсутствующего в оригинале, но характерного для лирики Шевченко в целом мотива людской насмешки («все злые посмеются, / Коль упаду в руки, / В руки вражьи»), узнаваемых шевченковских образности и интонации («И воспою снова / Твои блага чистым сердцем, / Псалмом тихим, новым»).

Сопоставление двух псалмов первоисточника проясняет мотивацию выбора Шевченко между ними, поэт делает выбор в пользу того псал-

ма, который ближе ему по содержанию, настроению, интонации, — двенадцатого.

Отмеченная тенденция прослеживается и в дальнейшем, становится сквозной и определяющей. Напряженный диалог с Богом получает в библейском цикле продолжение в псалме сорок третьем; здесь, как в двенадцатом, мотивы благодарности Господу и прославления Его («О Боге похвалимся всякий день, и имя Твое будем прославлять вовек»), верности Божией воле («Не отступило назад сердце наше, и стопы наши не уклонились от пути Твоего») сочетаются на контрапунктной основе с упреками («Но ныне Ты отринул и посрамил нас», «Ты отдал нас, как овец, на съедение и рассеял нас между народами», «Для чего скрываешь лице Твое, забываешь скорбь нашу и угнетение наше?»), более того, с довольно дерзкими призывами («Восстань, что спишь, Господи!»).

Мы убеждаемся, что переход Шевченко после двенадцатого псалма сразу к сорок третьему и в данном случае мотивирован и понятен.

Та же логика лежит в основе перехода от восемьдесят первого псалма к девяносто третьему, они коррелируют друг с другом мотивами социальной справедливости, милосердия («Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость»), возмездия «гордым», которые «попирают народ Твой, Господи, угнетают наследие Твое; вдову и пришельца убивают, и сирот умерщвляют». Эту линию корреляции поэт проводит дальше, минуя сразу тридцать восемь псалмов первоисточника, сделав короткую остановку на теме братского единения в псалме сто тридцать втором («Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!») и снова миновав еще три псалма, — к псалму сто тридцать пятому с присущим ему акцентом на теме «родина — чужбина», столь созвучной обстоятельствам жизни Шевченко («Если я забуду тебя, Иерусалим...»). Как именно, какими художественными средствами реализуется в тексте эта созвучность, к каким приемам интерпретации прибегает автор переложения, об этом разговор пойдет ниже.

Что, собственно, произошло?

Самое очевидное — сокращение объема текста, из некоторой совокупности текстовых единиц автором переложения вычленена количественно иная совокупность.

Можем ли мы, однако, считать эту операцию чисто количественной?

Два сравнения: 1) некоторых выбранных Шевченко псалмов с теми, которые формально были «на очереди», но остались вне поля его внимания, и 2) особенностей выбранных псалмов с характерными чертами творчества поэта в целом, — склоняют к мысли, что в основе выбора лежали определенные мотивации. Иначе и быть не могло, ведь процесс поэтического переложения не механическое воспроизведение оригинала, в нем уже с самого начала в качестве активного фактора выступает авторская воля, проявляющаяся в мотивированном выборе компонентов (псалмов-первоисточников) — именно этих, а не других, что, вполне понятно, придает процессу субъективный, причем осознанный, целенаправленный характер. Корреляция содержания первоисточника с представлениями и взглядами поэта (как, например, в отмеченном выше примере парадигмального в его лирике трудного «диалога с Богом»), с актуальными для него в данный момент жизни религиозно-этическими и психологическими приоритетами, созвучность тональности, эмоциональной окрашенности псалма с личными переживаниями, душевным состоянием и настроением автора переложения, ощущение им близости для себя присущих библейскому псалмопевцу тех или иных способов и средств лирического выражения — этим факторам, думается, принадлежала решающая роль.

Происходит системное *переформатирование* первичного текстового материала, в результате чего некое количество выбранных поэтом и переложенных им псалмов обретает значение принципиально нового литературного феномена, обладающего выраженными структурно-семиотическими признаками, — «текста».

Стадии этого процесса прочерчиваются как причинно-следственная цепочка: выбор закономерно ведет к переформатированию текстового материала, переформатирование, в свою очередь, — к изменениям «отношений соседства» между компонентами. В Псалтыре-претексте эти отношения, как правило, не имеют четко выраженного характера, псалмы «соседствуют» и соотносятся между собой в рамках общего мотивно-тематического репертуара книги. Так, следом за псалмом двенадцатым идет тринадцатый, а мог бы — чисто теоретически — идти текстуально почти идентичный ему

пятьдесят второй⁶. Иначе у Шевченко. Скажем, сближение в сформированном им цикле переложений псалма сорок третьего с двенадцатым или девяносто третьего с восемьдесят первым определено не сугубо формальным, сущностно нейтральным, «соседством», а содержательной близостью этих произведений между собой и обоих — с мыслями и чувствами поэта, т. е. отношения обретают семантическое наполнение и системный характер, выступают в функции структуро- и смыслообразующего фактора.

Это ключевой момент, в нем с наглядностью выступает различие между двумя понятиями — *композицией*, т. е. построением произведения, и *структурой* как системой связей между компонентами. В первом случае, применительно к Псалтырю, перед нами текст в профанном, прагматическом значении данного термина, это совокупность материально выраженных и зафиксированных на письме текстовых единиц. В этом смысле можно говорить о внешнем сходстве между оригиналом и его поэтическим переложением, поскольку шевченковский цикл как литературное произведение так же, как Псалтырь, реализуется в форме письменного текста, в чем проявляется его (впрочем, разве не любого художественного феномена?) амбивалентная природа лингвокоммуникативной ситуации, диалектика внутреннего пограничья между традиционным текстом и «текстом» как семиотической системой. Если библейский цикл — это совокупность текстов, коррелирующих между собою в общесемантическом поле, то в случае шевченковских «Псалмов Давида» речь идет о «тексте», о лишенной материальной субстанции, по сути, виртуальной, структуре, «структуре отношений», в которой средствами семиотической системы — языка — отражено и выражено восприятие первоисточника автором переложения и поэтическая интерпретация им этого первоисточника.

Можно решиться — с четким осознанием определенной (впрочем, думается, допустимой) меры условности — на немного рискованную трехсоставную параллель, сопоставив: а) библейский цикл псалмов как совокупность текстов с *parole* Ф. де Сосюра — конкретным актом индивидуальной речи, б) «Псалмы Давида» Шевченко как «текст», модернизированную систему интертекстуальных отношений, с языком (*langue*), который, как и

6 Имеется в виду церковнославянская редакция, которой, напомним, вероятнее всего, пользовался Шевченко. В масоретской редакции это были, соответственно, псалмы тринадцатый и пятьдесят третий.

«текст», не имеет физической формы воплощения, а представляет собой семиотическую систему, свод конвенций и правил, и с) обе пары между собой. Соотношение между библейским первоисточником и их переложением — «Псалмами Давида» — это процесс творческого взаимодействия, где в сложном переплетении предстают моменты сближения и дистанцирования, сродства и переосмысления; Ю. Лотман в этой связи говорит о «континууме», вмещающем в себя разные «семиотические пространства» [4, с. 586].

Движитель этого процесса, его ключевой структуро- и смыслообразующий фактор — это, по определению У. Эко, «код говорящего» [7, с. 85]. Имеется в виду сформировавшаяся и достаточно выраженная система применяемых автором, в данном случае Шевченко в «Псалмах Давида», сближений и различий, которой он придерживается, в целях реализации своего замысла, неких исходных принципов в определении форм и меры дистанцирования от претекста (в данном случае — библейского, «прецедентного» текста) и вместе с тем сохранения коммуникационных связей с ним, более или менее четко очерченной общности духовно-культурной семиосферы.

Осуществленные уже на начальном этапе выборочность подхода автора переложения к компонентам первоисточника и его, первоисточника, переформатирование влекут за собой смену внутренних «отношений соседства», определяют противоречивый, двойственный характер связей между двумя объектами, а значит, актуализируют функции «кода говорящего» как регулятора этих связей. С одной стороны, сохраняется их коррелятивность как на когерентном уровне — по семантическим параметрам, по соотношенности религиозно-этических рефлексий, психологических реакций, исторических мотивов, так и на уровне когезии, т. е. по сходству, нередко и прямой близости, отдельных элементов — образов, жанровых признаков, стилистических приемов и библейских оборотов (в последнем случае предметом специального рассмотрения должен быть языковой аспект), по дейктическому характеру упоминания в «Псалмах Давида» ряда знаковых топологических единиц сакрального пространства — локусов, хоронимов, урбанонимов («росы Ермонские», «Сионские горы», Вавилон, Израиль, Иерусалим), библейских имен (Иаков, Аарон), по нумерции псалмов-переложений, точно совпадающей с первоисточником.

Не менее очевидна присутствующая в «Псалмах Давида» декогерентная тенденция, это примеры отступления от первоисточника, трансформации и переосмысления — в разных формах и с разной мерой выраженности — некоторых его компонентов как смыслового характера, так и относящихся к сфере поэтики. Совокупность таких отступлений обладает признаками системности, что проявляется в подчинении их определенным целям и критериям. Это и есть «код говорящего».

Важнейшая сфера его применения — язык переложения.

В шевченковском цикле вычленяется несколько языковых пластов, в которых отражаются различные способы выражения и функционирования «кода говорящего». Это, в частности: а) достаточно щедрое вкрапление в украинский текст лексических и фразеологических церковнославянизмов, а также лексем и конструкций старославянского типа («блаженный муж», «древо», «воспою», «вскую», «ізбави», «яко», «всує», «мя», «ніже», «хва-леніє», «злая», «Господа глаголи», «яко в притчу», «міро добровонне», «вращуєш», «отмщениє язикам»), порой с элементами трансформации в направлении приближения к украинским формам («оддав єси», «покиван-ня головою», «дщере окаянна»), б) природные украинские словосочетания, близкие к устоявшимся фольклорно-поэтическим либо разговорным формам («ворог лютий», «тії літа», «той попіл», «серцем боліти», «слід про-падає», «жеруть», «добра доля», «ще лютіша», «неситі», «неслава», «добро певне», «не співають веселої», «серцем нелукавим» и др.) и с) стилистические обороты и выражения, корреспондирующие по своей структуре и интонации с чертами стилистики, поэтической манеры и интонационного лада сочинений самого поэта, а нередко и текстуально перекликающиеся с характерными для него выражениями и образными формулами («псалмом тихим, новим», «нерозумні люди», «розіб'є неволю», «незлим моїм оком», «вдові убогій допоможіте», «Твоя правда, / І воля, і слава», «Од віка до віка», «на чужому полі», «Окують царей неситих»).

Процесс декогеренции затрагивает не только язык «Псалмов Давида». Не забудем: Шевченко не переводит библейские псалмы, он их *перела-гаєт*. Если сопоставим шевченковский цикл со сложившейся литературной практикой — как мировой, так и украинской — в этом жанре, то в условной шкале версий, в разной степени приближенных к претекстам или, наоборот, удаленных от них, переложения Шевченко тяготеют ко второй тенденции.

Опираясь на заданный мотивный репертуар, находясь в кругу основных мотивов библейского первоисточника, сохраняя фабульно-сюжетные ситуации, элементы образной системы, устоявшиеся в библейской традиции сакральные и поэтические формулы, Шевченко вместе с тем не чувствует себя скованным в своем переложении. Одного только факта — перевода выбранных им текстов Псалтыря в стихотворный формат, преимущественно в 14-сложный, так называемый коломыйковский, стих⁷, — достаточно для того, чтобы говорить о коренной трансформации поэтики первоисточника. Ритмомелодика шевченковского стихотворного переложения, его интонационная гамма также не имеют ничего общего с оригиналом.

Перед нами совершенно иная по сравнению с библейским первоисточником поэтика, иная система структуризации текста, а в ряде случаев и иные — новые — смыслы.

Как было отмечено выше, авторское интерпретационное «вмешательство» в тексты первоисточника начинается уже на начальной стадии, с выбора объектов для переложения, оно становится фактором и критерием подхода к переформатированию составляющих библейской книги, определяя принципы переформатирования и его вектор. Далее этот вектор направляется в глубь текста(ов), в его семантическое пространство.

Происходит это не сразу. Первый шевченковский псалом («Не явится муж блаженный...») еще вполне созвучен соответствующему тексту Псалтыря. Семантическая близость к первоисточнику сохраняется в основных чертах и в общей направленности также в псалме двенадцатом («Ты ли меня, Боже милый...»), хотя тут уже появляются на уровне семантики некоторые отличные от первотекста элементы.

Румынский украинист Магдалена Ласло-Куцюк справедливо связывает эти элементы с субъективной позицией Шевченко — поэта-романтика, с его стремлением к «более драматическому звучанию произведения», повышению тонуса «эмоционального стиля». К числу изменений (отказ автора в переложении двенадцатого псалма от трехразового повтора слова «доколь», восклицательная интонация вместо вопросительной, высокая частотность

7 Версификационная форма, сложившаяся на основе украинского фольклорного жанра «співанки», напоминающей русскую частушку.

употребления прилагательных, отсутствующих как в оригинале, так и в церковнославянском переводе) исследовательница относит введение поэтом в текст переложения отсутствующего в первоисточнике мотива издевательской насмешки со стороны «хитрого недруга», неких безымянных «злых» [2, с. 69, 72, 70]. Поэтическая мысль здесь «заземляется», переключается с плоскости духовного просветления личности, трактуемого псалмопевцем в сугубо религиозном ключе, в плоскость светского нравственного чувства, к тому же с достаточно выразительной переакцентуацией социального плана.

С этого места в двенадцатом шевченковском псалме берет начало проходящая через весь цикл — хотя, впрочем, дискретная — линия интерпретационного «вторжения» автора переложений в семантическое пространство прецедентных текстов. Прослеживаются главные направления, на которых действует «код говорящего»: социальное и историософское, или, точнее, историко- и нациософское, воплощенные в серии мотивных версий и их ответвлений; в этом же ряду стоят угадываемые в подтексте отзвуки биографических коллизий, личных и творческих проблем самого поэта.

Уже в следующем, сорок третьем, псалме («Про твою, всесильный Боже...») повторяется намеченный в псалме двенадцатом мотив вражеской насмешки, теперь в более жизненно-конкретизированном, чем в оригинале, общественном и личностном контексте («На заклятие нас гонят, / Как овец!..», «Обмануты, замучены, / В путах умираем»), что придает концепту насмешки (а у Шевченко это именно концепт) социальную окрашенность.

Характерным примером целенаправленной «социализации» содержания первоисточника может служить переложение псалма восемьдесят первого («Меж царями-судиями...»). Надо заметить, что и в Псалтыре этот псалом, проникнутый пафосом осуждения несправедливых судей, принадлежит к числу социально ориентированных, разумеется, в рамках библейских этических представлений и образной системы. Шевченко, сохраняя религиозный дух и общую гуманистическую направленность сакрального текста, вместе с тем прибегает к различным способам актуализации содержания, к выраженному усилению социальных моментов. В тексте переложения с очевидностью просматривается тенденция к существенно более четкому — по сравнению с оригиналом — выявлению социального вектора: конкретизируются фигуры адресатов, к которым обращены гневные инвективы («цари-судьи», «земные владыки» вместо библейского «сонма богов»);

определение «богатые», отсутствующее в оригинале, прямо указывает на тот общественный слой, которому помогает «суд неправый» (в первоисточнике действия судей охарактеризованы в общеморальном ключе: «...доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым?»); появляются выражения отчетливо актуального для шевченковского времени звучания: «развеять тьму неволи», «Цари, рабы — все равные / Сыны перед Богом». Недаром эти строки в первой публикации были изъяты цензурой.

Историософская линия в шевченковском цикле связана с интерпретацией ветхозаветного повествования о страданиях еврейского народа в плену и рабстве, зарождается она в псалме сорок третьем, перетекает в сто тридцать шестой («На потоках Вавилонских...») и там завершается. Шевченко удается, не теряя связи с первоисточником, оставаясь в рамках узнаваемого исторического сюжета, а в псалме сто тридцать шестом также фактологических «маркеров» — географических (Вавилон, Иерусалим) и этнических (edomляне), внести в нарратив такие штрихи, которые придают ему национально-историческую актуальность, вводят мысль читателя (достаточно подготовленного, разумеется) в русло украинской исторической проблематики.

Шевченко существенно переделывает вступительные строки сорок третьего псалма, выделяя тему героического подвига народа, при этом замена библейских отцовских заветов («отцы наши рассказывали нам...») дедовскими («Нам рассказывают деды...») вносит в стилистику псалма краску, характерную для украинской поэтической традиции. И. Даниленко обращает внимание на внесенный в переложение сорок третьего псалма отсутствующий в первоисточнике мотив «нашего недруга нового», некоей враждебной народу силы, которая «еще страшней», чем предшествовавшая ей, «первая»; исследовательница справедливо усматривает в этом прозрачный намек «на исторические реалии украинского бытия: на польско-шляхетское угнетение в прошлом и гнет Российской империи нынешнего времени» [2, с. 108]. С этим намеком коррелирует в переложении псалма сто тридцать шестого мотив издевательской насмешки, с которой «Едомляне злые» предлагают невольникам запеть песню — хотя бы свою, а лучше «нашу». В Библии речь в этом случае идет не об «edomлянах», а о «пленивших нас» вавилонянах, такая замена автором переложения носителей злой силы не может быть случайной. Если принять во внимание, что, согласно библейской исто-

рии, едомляне были хотя и этническими родственниками израильтян, но одновременно их лютыми врагами, то шевченковская версия этого сюжета обретает характер скрытого историософского намека достаточно высокой степени актуальности⁸.

Еще два момента маркируют национально-историософскую составляющую шевченковского цикла.

Один из них — мотив Страх, точнее, трактовка этого мотива. В библейском оригинале псалма пятьдесят второго и сам страх, и возможность его преодоления целиком зависят от Бога («Там убоятся они [«делающие беззаконие». — Ю.Б.] страха, где нет страха, ибо рассылет Бог кости ополчающихся против тебя»). Шевченко интерпретирует этот мотив в параметрах человеческой морали, с точки зрения социальных, психологических и в конечном счете националистических критериев: «...Самих себя бояться / Лукавые люди». Слепой страх калечит человека, превращает его в покорного раба, калечит он и нацию (Шевченко дважды прибегает к форме первого лица множественного числа: «нам», «восхвалим»), следствие его воздействия — паралич коллективной воли, неготовность людей к сопротивлению чужой злой силе, к действию, к борьбе. Этот мотив созвучен с мощной струей шевченковской национальной самокритики как предпосылки самоочищения нации, преодоления ею комплекса покорности.

Другой семантический «маркер» украинской составляющей — мотив Слова и художника-пророка, его божественного призвания и драматизма его судьбы. Проникнутый лиризмом и глубоким религиозным чувством пятьдесят третий псалом Шевченко относится к числу тех в его цикле, которые теснее всего коррелируют с первоисточником. Однако в строке пятой, в молитвенном обращении к Богу, у Шевченко появляется отсутствующая у псалмопевца грамматическая конструкция «внуши им», в результате сопоставление строк оригинала и переложения выглядит так: «Боже! услышь молитву мою, внемли словам уст моих» и «Молю, Господи, внуши им /

8 Из «Книги Бытия» узнаем, что едомляне (эдомитяне, идумеи) были потомками Исава, променявшего первородство на чечевичную похлебку. Пророк Авдий, предсказывая гибель народа Едома, в качестве одной из главных его провинностей называет то, что едомляне вместе с чужеземцами боролись против своих этнических братьев — потомков Иакова. «В тот день, когда ты стоял напротив, в тот день, когда чужие уводили войско его в плен и иноплеменики вошли в ворота его и бросали жребий о Иерусалиме, ты был как один из них» (Авдий 1: 11).

Уст моих глаголы» (курсив мой. — Ю.Б.). Здесь утверждается концепция Слова как богодухновенного оружия, проводника Божией воли и поэта как осознающего свою высокую миссию носителя этого Слова. В конкретном политическом, социальном, идеологическом, литературном контексте эта концепция обретает значение характерной и актуальной приметы национального бытия на определенном историческом этапе. Такой приметой стала в шевченковском творчестве и утвердилась в шевченковской традиции тема поэта, художника — Пророка и духовного лидера нации.

Итак, в процессе преобразования десяти отдельно взятых и, как может показаться на первый взгляд, разрозненных псалмов в структурированную идейно-художественную целостность вырисовываются три этапа:

а) целенаправленный выбор псалмов для переложения,
 б) как результат этого выбора — переструктурирование прецедентного текста, складывание новых «отношений соседства» между отобранными единицами текста,

в) осуществляемая на основе «кода говорящего» — объединенной общим смыслом совокупности различий, изменений, дополнений — поэтическая (пере)интерпретация первоисточника, охватывающая практически все уровни текста — семантический, языковой, образный, композиционный, жанровый.

Сопоставительный анализ примеров смысловых трансформаций в «Псалмах Давида» приводит к выводу о семантической близости и функциональной связанности между ними, что проявляется преимущественно имплицитно, в ассоциативном ключе. Эти примеры обретают характер и функции семиотических единиц — компонентов «кода говорящего» как знаковой системы, а преобразованный в результате его воздействия текст первоисточника — признаки «текста».

Если мы принимаем трактовку цикла переложений Шевченко «Псалмы Давида» как «текста», то должны признать амбивалентный характер ситуации: с одной стороны, этот «текст» находится в системно обозначенных границах, в определенной если не автономности, то во всяком случае выделенности, с другой — он предстает в связях и взаимодействии с совокупностью таких внешних для «текста» и одновременно так или иначе соотно-

симых с ним структур, как претекст и контекст, возможно также интертекст. Эту совокупность я обозначаю как «off-текст».

Претекст.

В широком плане претекст «Псалмов Давида» — это Книга псалмов Ветхого Завета как духовная и литературная целостность, в плане прагматическом, «рабочем» — выбранные Шевченко из ста пятидесяти псалмов библейской Книги десять прецедентных текстовых единиц, положенных им в основу цикла своих переложений, который мы теперь определяем термином «текст».

Контекст.

Говоря о контексте, имеем в виду полиморфную и иерархическую совокупность фактов, явлений, тенденций, связанных с жизненными обстоятельствами и ситуациями, психологическими реакциями, с параметрами литературного, шире — духовного пространства, в котором возник и сформировался авторский замысел, осуществлялась его творческая реализация и в дальнейшем проходило функционирование «Псалмов Давида» в ходе историко-литературного процесса.

Над циклом «Псалмы Давида» работа шла осенью 1845 г. Знаковые поэтические произведения этого периода — времени второй поездки Шевченко на Украину, его исключительно плодотворной «полтавской осени»⁹ — пронизаны библейскими ассоциациями, реминисценциями, прямыми цитатами и ссылками. В «Еретике» и «Подземелье» («Великий льох») — эпитафии из псалмов сто семнадцатого и сорок третьего, в «Кавказе» — из Книги пророка Иеремии, в послании «И мертвым, и живым...» — из Соборного послания Иоанна Богослова.

В пору «полтавской осени» эта парадигма максимально сближается с процессом нарастания в творчестве Шевченко революционной направленности. Обратим внимание: короткий временной отрезок (вторая половина октября — первая половина декабря 1845 г.), когда были написаны «Еретик», «Подземелье» («Великий льох»), «Кавказ», «И мертвым, и живым...», «Холодный Яр», непосредственно предшествует этапу завершения «Псал-

9 Сочинения 1845 г., помеченные в автографах октябрём / ноябрём — первой половиной декабря, связаны с полтавским топологическим пространством — Миргород, Переяслав (в то время уездный город Полтавской губернии), села Марьинское, Выюнище.

мов Давида», а частично («Холодный Яр») совпадает с ним. Вряд ли этого достаточно для нередко высказывавшейся, особенно в советском шевченковедении, преувеличенной оценки революционного начала, якобы закамфлированного в «Псалмах Давида» библейской образно-стилистической «атрибутикой», однако фактом, с которым нельзя не считаться, остается то, что именно наиболее бунтарские сочинения Шевченко составляют литературный фон — впрочем, нет, не фон, а контекст «Псалмов Давида», причем контекст не только литературный, но и духовно-нравственный, психологический, «настроенческий». В синхроническом срезе творчества периода «полтавской осени» категории «текста» и контекста применительно к «Псалмам Давида» находятся в диалектическом сочетании.

Сказанное относится и к диахроническому уровню — рассмотрению «Псалмов Давида» в развернутом историко-литературном контексте, как ретроспективном, так и перспективном. Здесь цикл предстает, с одной стороны, как компонент и завершающее звено в западно- и восточнославянской традиции литературной актуализации псалмов (поляк Я. Кохановский, украинцы Лазарь Баранович и Григорий Сковорода, белорусы Франциск Скорина и воспитанник Киевской академии Симеон Полоцкий), с другой — как инспирирующий фактор на послешевченковском и новейшем этапах вариативного, сопровождаемого трансформационными и модификационными процессами, развития этой традиции в украинской литературе (П. Кулиш, М. Максимович, И. Франко, О.Ю. Федькович, Б.И. Антонич, П. Тычина, Е. Маланюк, Лина Костенко, Д. Павлычко¹⁰). «Псалмы Давида» Шевченко, первое поэтическое переложение сакральных текстов живым украинским литературным языком (ранее написанные «Псалмы Русланы» М. Шашкевича были скорее фактом стилизации, к тому же прозаической, чем творческого освоения этих текстов), содержали большой инспирационный потенциал, в частности (и особенно) в утверждении креативных возможностей украинского языка¹¹.

10 Интересный материал для компаративистских штудий дают, например, три версии переложения первого псалма («Блажен муж...») — Т. Шевченко, И. Франко и Лины Костенко.

11 Этот момент подчеркивает П. Кулиш в письме к М. Костомарову от 26 июня 1848 г. Полемизируя с адресатом, считавшим, что украинский язык подходит лишь для написания «мужицких повестей», Кулиш пишет: «Но у вас перед глазами Шевченко, который выражает на этом языке и псалмы Давида, и чувства, достойные уст самого высшего общества...» [4, с. 88].

Интертекст.

Этот термин в 60-е гг. прошлого века «отпочковывается» от концепции интертекстуальности, которая возникла и получила распространение в рамках французской семиотики, в среде писателей и интеллектуалов, объединившихся вокруг журнала «Тель Кель» (франц. *Tel Quel* — «такой, какой есть»). Концепция была направлена на обоснование и осмысление опыта постмодернистских течений в искусстве с применением постструктуралистских формул типа «литература как игра», творческий процесс как «письмо» (или как процедура [ре]генерирования текстов), «смерть автора», автор как «скриптор» и т. п. Практика научных исследований свидетельствует, что принцип интертекстуальности может служить полезным (дополнительным) инструментом анализа не только фактов постмодернистской культуры, но и — в определенных границах и, главное, при условии строгого соблюдения методологической и терминологической корректности — некоторых художественных явлений, принадлежащих другим эпохам, другим национальным традициям, другим эстетическим направлениям и школам. Хотя при этом речь идет в первую очередь о таких явлениях и системах, для которых характерны — в качестве структурных принципов — высокая степень нормативности, повторяемости устоявшихся элементов и приемов (например, фольклор, средневековая литература, особенно чисто религиозные ее ответвления, традиционная поэзия Востока, поэтика классицизма и барокко); впрочем, инструментарий интертекстуальности бывает нелишним и при исследовании более поздних и более сложных художественных структур, во всяком случае некоторых их аспектов и компонентов.

С этой точки зрения нельзя не признать небезосновательным момент «искушения интертекстуальностью» при анализе шевченковских «Псалмов Давида», поскольку процесс выбора фрагментов претекста, его переформатирования и интерпретации естественным образом сопровождается использованием определенного количества так или иначе связанных с первоисточником текстовых элементов — прямых и косвенных ссылок, парафраз, аллюзий и т. п. Однако поддаваться этому «искушению» следует с осторожностью, со скрупулезным соблюдением методологических разделительных линий; масштаб и структурно-семантическую значимость подобных элементов вряд ли стоит преувеличивать. Что касается

украинских переложений библейских псалмов Давида, то, кроме того, что они отгорожены от первоисточника по крайней мере тремя языковыми кордонами (древнееврейский / греческий / церковнославянский), существуют еще такие сдерживающие «интертекстуальную экспансию» факторы, как символический код языка, через призму которого национальное сознание воспринимет и преломляет универсальные истины и приобщается к ним, и во всех случаях глубоко субъективный «код говорящего» — автора переложения, которым («кодом») определяются и обозначаются принципиальные смысловые различия между «Псалмами Давида» Шевченко и ветхозаветной Книгой псалмов, так что говорить об интертекстуальности шевченковского цикла можно скорее в ключе условном, метафорическом, нежели в строго терминологическом.

Более перспективной в методологическом плане, более адекватной сути ситуации сопоставления двух текстов («текста» и претекста) и сложной системы возникающих при таком сопоставлении текстуальных, эстетических, семантических, идеологических соотношений, или «резонансов», как их называет американский исследователь Д. Клинггер [3, с. 170, ст. II], представляется бахтинская концепция диалогизма и «чужого слова». В свете этой концепции отношения между шевченковскими «Псалмами Давида» и библейским первоисточником могут быть определены как диалог сознаний и высказываний, за которыми стоят «говорящие» — субъекты речи, личности, каждая со своим «кодом», с неповторимой (и в то же время типичной) судьбой, с особенным (и в то же время отмеченным универсальными чертами) историческим и социальным опытом, а не, по Ю. Кристевой, «мозаикой цитаций».

Диалоговый подход дает ориентир для решения некоторых сложных вопросов, касающихся структурно-семантической природы шевченковского цикла и его связей с Книгой псалмов Давида. Таковы, например, соотношение между сакральным текстом и его преобразованной в поэтический «текст» версией, степень и формы сохранения — в мировоззренческом и эмоциональном диалоге интерпретаций — присущих первоисточнику всепроникающей религиозности, богодухновенное начало и его сочетание со смелым, порою на грани литературной дерзости, внесением в текст переложений сугубо личностной струи, шире — момента творческого обновления.

Свою заключительную мысль сформулирую следующим образом: если Книга псалмов — это сакральный текст с литературной составляющей, то созданные на ее основе «Псалмы Давида» Шевченко — поэтический «текст» с сакральной составляющей. «Псалмы Давида» как произведение и «Псалмы Давида» как «текст» — это один и тот же духовно-литературный феномен или, можно и так сказать, две его ипостаси.

Список литературы

- 1 Головащенко С. «Українська Псалтир» М.О. Максимовича як феномен європейської біблеїстики. Кілька запитань до тексту. URL: <http://www.religion.in.ua/main/history/9340-ukrayinska-psaltir-mo-maksimovicha-yak-fenomen-yevropejskoyi-bibleyistiki-kilka-zapitan-do-tekstu.html> (дата обращения: 12.12.2016).
- 2 Даниленко І. Молитва як літературний жанр: генеза та еволюція. Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. 304 с.
- 3 Клірінгер Д. Інтертекстуальність // Енциклопедія постмодернізму. За редакцією Чарлза Е. Вінквіста та Віктора Е. Тейлора. Переклав з англ. В. Шовкун. Київ, 2003.
- 4 Куліш П. Повне зібрання творів. Листи. К.: Критика, 2005. Т. I: 1841–1850 / Упоряд., комент. О. Федорук; підгот. текстів О. Федорука, Н. Хохлової; відп. ред. С. Захаркін. 648 с.
- 5 Ласло-Куцук М. Велика традиція. Українська класична література в порівняльному висвітленні. Бухарест, 1979. 288 с.
- 6 Лотман Ю. Текст у тексті // Слово. Знак. Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. Львів, 2002. С. 428–442.
- 7 Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

References

- 1 Golovashhenko S. "*Ukrai'ns'ka Psaltyr*" M.O. Maksimovycha jak fenomen jevropejs'koi' biblei'styky. *Kil'ka zapytan' do tekstu* [Ukrainian Psalms by M.O. Maksimovych as a phenomenon of the European library]. Available at: <http://www.religion.in.ua/main/history/9340-ukrayinska-psaltir-mo-maksimovicha-yak-fenomen-yevropejskoyi-bibleyistiky-kilka-zapitan-do-tekstu.html> (Accessed 12 December 2016). (In Ukrainian)
- 2 Danylenko I. *Molytva jak literaturnyj zhanr: g'eneza ta evoljucija* [Prayer as literary genre: genesis and evolution]. Nikolaev, MDGU im. Petra Mogyly Publ., 2008. 304 p. (In Ukrainian)
- 3 Klig'ing'er D. Intertekstual'nist' [Intextuality]. *Encyklopedija postmodernizmu* [Postmodernist encyclopedia], ed. E. Charlza, Winquist and V.E. Tailor, trans. V. Shovkun. Kiev, 2003. (In Ukrainian)
- 4 Kulish P. *Povne zibrannja tvoriv. Lysty* [Complete collection of works. Letters]. Kiev, Krytyka Publ., 2005. Vol. I: 1841–1850, comment O. Fedoruk; preparation of text O. Fedoruka, N. Hohlovoi', ed. S. Zaharkin. 648 p. (In Ukrainian)
- 5 Laslo-Kucjuk M. *Velyka tradycja. Ukrai'ns'ka klasychna literatura v porivnjal'nomu vysvitlenni* [Great tradition. Ukrainian classical literature in the comparative light]. Bucharest, 1979. 288 p. (In Ukrainian)
- 6 Lotman Ju. Tekst u teksti [Text in the text]. *Slovo. Znak. Dyskurs. Antologija svitovoi' literaturno-krytychnoi' dumky XX st.* [Word. Sign. Discourse. Anthology of world literary criticism of the 20th century]. L'viv, 2002, pp. 428–442. (In Ukrainian)
- 7 Эко У. *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenye v semyologiju* [Missing Structure. Introduction into Semiology]. St. Petersburg, Petropolys Publ., 1998. 432 p. (In Russ.)